

Междискурсивные основания анархистской символики (на примере «А в круге»)*

М. Ю. Мартынов

МОСКОВСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению особенностей механизма междискурсивного взаимодействия, лежащего в основе генезиса анархистской символики. Анализируется анархистский символ «А в круге», показано, что его происхождение связано с процессом активного взаимодействия авангардного и анархистского дискурсов, каждый из которых не функционирует как доминантный. При этом автор отказывается от широко распространенного понимания символа «А в круге» как монограммы, составленной из начальных букв слов *анархия* и *порядок* («анархия мать порядка»), и выдвигает гипотезу, согласно которой символ связан прежде всего с концептом *хаоса*.

Ключевые слова: анархизм, дискурс, авангард, символ, «А в круге».

УДК 81 + 81.42 + 329.285

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00130) в Институте языкознания РАН.

Основные тезисы статьи были представлены на конференции «Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии» (Москва, Институт языкознания РАН, 26 сентября 2016 г.).

Мартынов М. Ю. Междискурсивные основания анархистской символики (на примере «А в круге») // Критика и семиотика. 2017. № 2. С. 360–375.

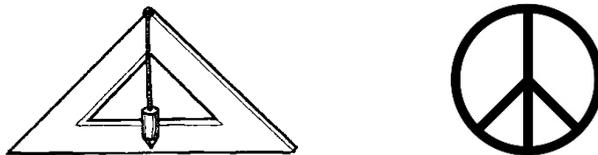
ISSN 2307-1737. Критика и семиотика. 2017. № 2
© М. Ю. Мартынов, 2017

Контактная информация: Мартынов Михаил Юрьевич, кандидат философских наук, доцент, докторант Московского педагогического государственного университета (ул. Малая Пироговская, 1/1, Москва, 119991, Россия, golossa@gmail.com)

В анархизме существует несколько центральных символов, обладающих различной степенью популярности: черное или красно-черное знамя, буква «А» в круге, черная кошка, черная звезда, «черная роза, зажатая в кулаке», сабо, факел, и др. «А в круге» является самым известным анархистским символом и, наверное, самым сложным для понимания. Данная статья посвящена некоторым аспектам его семиотической природы и эволюции. Мы попытаемся выявить междискурсивные основания происхождения этого символа.

Как полагают сами анархисты, символ «А в круге»¹ является их собственным изобретением, а остальные (не анархисты) только используют его и даже портят. В этом отношении показательным является высказывание анархиста Кирилла Лиманова: «Эмблему анархизма используют не только идейные анархисты. Большой вред эмблеме нанесли панки. Не придумав своей собственной символики, панки использовали анархистскую, внося путаницу в умы людей. Буржуазная пресса стремилась представить все либертарное движение как сборище хиппи и панков только потому, что они используют анархо-символику» [Лиманов, 1998, с. 57].

Происхождение символа «А в круге» К. Лиманов связывает с напоминающим букву «А» *ватерпасом*, изображение которого использовали в качестве своей эмблемы некоторые секции I Интернационала, в том числе и бакунисты, и руной *ир-идегран*, являющейся основой для современной антиядерной эмблемы (*пацифика*) [Там же].

Ватерпас и антиядерная эмблема

¹ Согласно распространенному мнению, символ «А в круге» впервые был использован французской организацией «Jeunes Libertaires» в 1964 г. (см., например: [Лиманов, 1998, с. 57; A-cerchiata, 2008, p. 6]).

Нам представляется, что такие отсылки сами по себе еще ничего не объясняют, – они выглядят как случайные визуальные совпадения без какой-либо семиотической истории и нуждаются в интерпретации. Иными словами, для объяснения происхождения анархистского символа необходимо найти не только исторические и визуальные основания, но также концептуальные. По нашему предположению, в основе генезиса «А в круге» лежит механизм междискурсивного взаимодействия, и, как мы попытаемся в дальнейшем показать, «А в круге» сформировался в контексте взаимодействия авангардного и анархистского типов дискурса.

В структуре анархистского символа $\textcircled{A}$ легко распознаются два образующих его графических элемента – *круг* и *треугольник*. Выбор именно этих геометрических фигур для символического выражения анархистского мировоззрения, по нашему мнению, не является случайным. Как отмечает Дмитрий Козлов в книге «“Клином красным бей белых”». Геометрическая символика в искусстве авангарда» [2014], треугольник (клин) и круг были центральными символами авангардного искусства 10–20-х гг. XX в. Согласно исследователю, «клин, врезающийся в круг», символически выражал идею революционности и являлся своеобразной эмблемой той эпохи. Различное сочетание острого угла и круга использовали в своем творчестве многие авангардные художники. Хотя впервые это сочетание появилось в итальянском футуризме, в частности на обложке известной поэмы Т. Маринетти «Zang tumb tumb» (1914), а также в манифесте К. Карра «Синтез мировой войны» (1914), широкое распространение треугольник и круг получили после работы Эля Лисицкого «Клином красным бей белых» (1920), которую можно считать своеобразным манифестом революционной клинокруглости.

В 20-е гг. XX в. различные сочетания круга и треугольника можно увидеть, например, в оформлении декораций авангардного театра, на страницах авангардных поэтических книг, в архитектурных проектах и т. д. Сочетание треугольника / клина и круга активно использовали в своем творчестве Александр Родченко, Густав Клуцис, Василий Кандинский и многие другие (подробнее об этом см.: [Козлов, 2014]).

В этом контексте совсем не случайным выглядит название созданного пананархистами (в частности Владимиром Гординым) тоже в 20-е гг. искусственного всеобщего языка АО. В сопоставлении с символом «А в круге»

Обложка книги Т. Маринетти «Zang tumb tumb», 1914 г.

Э. Лисицкий «Клином красным бей белых», 1920 г.

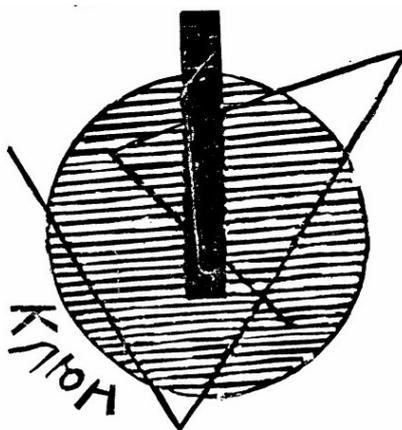

Иллюстрация из книги А. Крученых «Фактура слова. Декларация», 1923 г.

АО графически выглядит как *A*, вышедшая за пределы круга, или еще не вошедшая в него. В переводе с этого языка АО означает «изобретение».

Язык АО задумывался пананархистами как свободный от власти универсальный язык будущего, который должен был иметь не просто общечеловеческий, но космический коммуникативный масштаб. В этом отношении пананархистская идея всеобщности языка напоминает проект Единого

Языка («Звездного языка») В. Хлебникова². Вообще опыт Хлебникова оказывается крайне важен для пананархистов, и в некоторых случаях его влияние выглядит совершенно очевидным и буквальным. Например, псевдоним Владимира Гордина *Бэоби*³ воспроизводит часть неологизма *бо-бэоби*, с которого начинается одно из самых известных стихотворений В. Хлебникова:

Бобэоби пелись губы.
 Вээоми пелись взоры.
 Пиээо пелись брови.
 Лиэээй пелся облик.
 Гзи-гзи-гзэо пелась цепь.
 Так на холсте каких-то соответствий
 Вне протяжения жило Лицо.
 <1908–1909>
 [Хлебников, 2000, с. 198]

В языке АО вообще довольно много встречается слов, которые, не совпадая точно со словами хлебниковского звездного языка, напоминают их звучание: бэоби, избаи, иабаи, льяо, лиль, бо, льобо, бэад, бэдль и др. (см.: [Гордин, 1923]). Иначе говоря, влияние В. Хлебникова распространяется не столько на уровень отдельных слов, сколько на сам образ языка АО.

В этом примере мы видим прямое влияние авангардного опыта на анархистский, но отношения между авангардом и анархизмом не были односторонними. Элементы анархистского мировоззрения так или иначе были присущи очень многим авангардным поэтам и художникам, и без анархистского бунта против господствующих культурных конвенций они не смогли бы осуществить свои творческие эксперименты. Например, анаколупф и эллипсис как принципы организации текстов К. Малевича, который, как известно, разделял анархистские взгляды, представляют собой, согласно Игорю Смирнову, не безграмотность, а «философский прием, результат

² «Название “звездный язык” Хлебников объяснял двояко. Во-первых, это язык, лишь смутно осознаваемый человеком при “солнечном свете” разума и проявляющийся яснее в “звездных сумерках” непосредственного эмоционального восприятия. “Слово делится на чистое и на бытовое. Можно думать, что в нем скрыт ночной звездный разум и дневной солнечный. <...> Самовитое слово отрешается от признаков данной бытовой обстановки и на смену самоочевидной лжи строит звездные сумерки”. Во-вторых, это язык, “общий всей звезде, населенной людьми”» [Перцова, 2000, с. 359–360].

³ В переводе с языка АО это слово означает «человек из общества». «На АО бэо (1'2'3) означает “общество”, “человечество”, а би (1'4) – <...> местоимение “я”, которое в АО также употребляется в качестве окончания собственных имен. Таким образом, бэоби есть не что иное, как “человеко-я”, “человек из общества”» [Аролович, 2005, с. 134].

установки на беззаконие, выражающей собой анархическую неструктурированность (“калейдоскопичность”) бытия» [Смирнов, 2012, с. 25].

Об анархистском хаосе, или «неструктурированности / калейдоскопичности», следует сказать подробнее. Несмотря на то что в культуре именно *хаос* является семантическим выражением *анархии* (см. подробнее: [Брагина, 2003]), представление о нем в анархизме не является однозначным. Для одних анархистов безвластное общество должно быть не хаосом, а «порядком без господства» [Дамье, 2014]. Другие анархисты, напротив, стремятся реабилитировать хаос, полагая, что именно в нем сосредоточена вся суть анархического мировоззрения. «По меньшей мере, со времен Кропоткина анархисты сознательно дистанцировались от идеи хаоса. Даже нашептывались легенды, что загадочная А в круге представляет собой порядок в хаосе. Почти каждый “серьезный” анархистский писатель в прошедшие годы пытался отдалить анархизм от хаоса. Но для большинства обычных людей хаос и анархия связаны навсегда. Связь между хаосом и анархизмом должна быть переосмыслена и признана, а не замалчиваться и подавляться. Хаос – это кошмар правителей, государств и капиталистов. По этой и по другим причинам хаос – естественный союзник в нашей борьбе. Не надо полировать имидж анархизма, вычищая хаос. Вместо этого мы должны помнить, что хаос – это не только пылающие руины, но и крылья бабочки» [CrimethInc, 2010, с. 44].

Можно высказать *рабочую гипотезу* о том, что популярность треугольника и круга в искусстве авангарда связана с концептом *хаоса*, многоуровневая семантическая основа которого оказалась созвучной сложному комплексу социальных настроений, появившихся после революции 1917 г. С одной стороны, в обществе возник серьезный социальный кризис, связанный со сломом прежней системы отношений. С другой стороны, разрушение социальных связей осознавалось как необходимое для строительства нового общества. Эта двойственность, в которой разрушение предшествует созиданию и является его необходимым условием, воспроизводит довольно распространенную мифологическую модель происхождения мира из первоначального хаоса (см., например: [Степанов, 2004, с. 99]).

Треугольник-клин (А), врезающийся в круг (О), выражал у Лисицкого идею разрыва между старым миром и новым, что соответствует наиболее вероятной, согласно Ю. С. Степанову, этимологии греческого слова «хаос», связанного со словами «расщелина, щель» [Там же]. Как пишет Д. Козлов, «сочетание острого угла и круглой формы – это своеобразное представление художников 1910–1920-х годов о сотворении человека и мира» через взрыв [2014, с. 75], т. е. сотворение, в котором осуществляется переход к новому порядку через хаос. Эта мысль о связи хаоса и мира / космоса / порядка согласуется с известными анархистскими лозунгами, возникшими еще в XIX в.: «Страсть к разрушению есть вместе с тем

и творческая страсть» Михаила Бакунина и «Анархия – мать порядка» Жозефа Прудона. Согласно одной из распространенных сегодня версий, символ «А в круге» тесно связан с этими высказываниями, он представляет собой монограмму, составленную из начальных букв слов *порядок* и *анархия* (Ⓐ – *Anarchy is Order, Anarchie ist Ordnung* и др.) (см. подробнее: [Marshall, 2008, p. 558]). На наш взгляд, эта версия, основанная на принципе монограммирования, объясняет далеко не все и нуждается в уточнении.

Дело в том, что ни в текстах Бакунина, ни в текстах Прудона нет формулировки «анархия есть порядок». В оригинале у Прудона речь идет о свободе, а не о хаосе-анархии («Решение социального вопроса», 1848). В свою очередь, Бакунин говорит о разрушении как о «творческой страсти»: «Дайте же нам довериться вечному духу, который только потому разрушает и уничтожает, что он есть неисчерпаемый и вечно созидающий источник всякой жизни. Страсть к разрушению есть вместе с тем и творческая страсть! (“Die Lust der Zerstörung ist eine schaffende Lust”))» [1935, с. 148].

Высказывание «Анархия есть порядок» является прецедентным⁴ – его узнаваемость воспроизводится без обязательной ссылки на текст-источник. Если это так, то, как нам кажется, и прецедентность монограммы Ⓐ также не должна быть жестко связанной с конкретными языками. В связи с этим возникает вопрос: почему данная логика монограммирования работает, например, для немецкого или английского языков и не работает для русского языка, который, и это важно здесь отметить, согласно Н. Бердяеву, является языком самой анархической страны мира?⁵ В русском языке монограмма должна быть, по всей видимости, составлена из других букв (Анархия есть *Порядок*), но она, тем не менее, та же самая – «А в круге» (Ⓐ).

На наш взгляд, точнее связывать происхождение анархистского символа с самим «хаосом» как словом и концептом. Здесь важно, что в русском языке, как и во всех основных европейских языках, сохраняется необходимое соседство букв *A* и *O* (*хаос, chaos, caos, kaos* и др.), которые и образуют анархистский символ.

Иными словами, мы полагаем, что анархистский символ «А в круге» выражает не однозначный переход от хаоса к порядку, а сам концепт *хаоса*, его творческие возможности и даже фрагменты этих возможностей. «А в круге» не воспроизводит буквально структуру мифа (хаос – мир //

⁴ Подробнее об этом см.: [Мартынов, 2015a].

⁵ «Россия – самая безгосударственная, самая анархическая страна в мире. И русский народ – самый аполитический народ, никогда не умевший устраивать свою землю. [...] Анархизм – явление русского духа, он по-разному был присущ и нашим крайним левым, и нашим крайним правым. Славянофилы и Достоевский – такие же, в сущности, анархисты, как и Михаил Бакунин или Кропоткин» [Бердяев, 2007, с. 15].

анархия – порядок) и не имеет к ней строгого отношения. Если в мифе порядок неизбежен, и миф предписывает миру однозначную вертикальную иерархическую организацию, то с позиций анархистского мировоззрения организованность мира не является очевидной. Анархистская модель пространства, в отличие от мифологической, не основана на священном и не имеет однозначных структурных инвариантов. У анархистского образа пространства нет устойчивой формы – и даже горизонтальные характеристики, традиционно приписываемые анархистским сообществам (анархическая коммуна, аффинити-группа и т. п.), не являются для них жесткими (в отличие от мифа). Мир в мифе не может уклониться от однозначности порядка, а в анархизме мир всегда только чистая возможность мира, что указывает на неокончательную определенность анархистских сообществ и возможность их пересборки на других основаниях и принципах.

Переход от хаоса к порядку в анархизме, конечно, допустим, но, как нам кажется, символ «А в круге» выражает прежде всего семантику хаоса. Эту мысль подтверждают также и многочисленные примеры, в которых этот символ дополняется лозунгами, содержащими семантику отрицания и разрушения: «PENSIERO E DINAMITE», «NO GODS NO MASTERS» и др.

Варианты анархистского символа
[A-cerchiata, 2008, p. 36, 37]

Подобные надписи, связывающие «А в круге» с семантикой хаоса, характерны не только для европейских вариантов анархистского символа. Например, на одном японском анархистском значке, который, скорее всего, относится ко времени 70-х гг. XX в., присутствует надпись «so-hakai», что означает «уничтожение полностью»⁶. Представление о творческих возможностях *хаоса* характерно для многих культур, и этот концепт можно считать необходимым основанием для восприятия символа «А в круге» другими, не только европейскими, культурами.

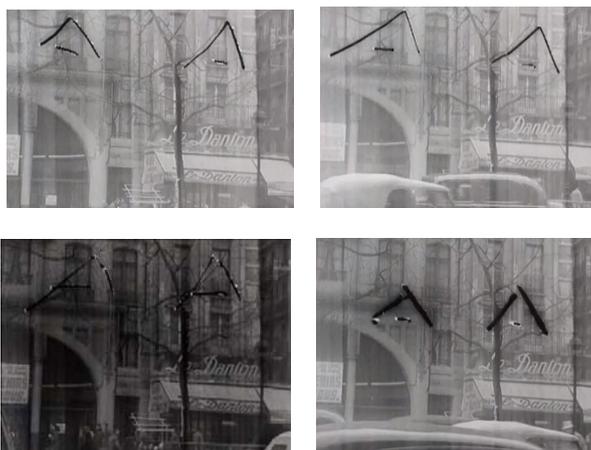
⁶ Автор благодарит Масанори Гото (Хоккайдский университет) за помощь в переводе.

Японский анархистский значок
(архив Петра Рябова)

Концепт *хаоса* сыграл также одну из ключевых ролей в сближении авангардного и анархистского типов дискурса, в контексте взаимодействия которых, как нам представляется, и происходило развитие образа «А в круге» на протяжении всей первой половины XX в. До «Либертарной молодежи», которая, как считается, первой использовала этот символ в 1964 г., сочетание треугольника и круга появляется в самых разных контекстах, некоторые из них мы попытаемся схематично обозначить.

Например, в фильме леттриста Исидора Изу «Договор слюны и вечности», снятом в 1951 г., есть несколько кадров, в которых можно заметить букву *A*, нацарапанную автором буквально на киноленте.

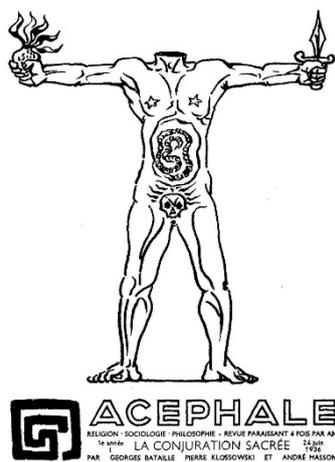
Кадры кинолентки фильма «Договор слюны и вечности», 1951 г.
Режиссер Исидор Изу

Буква *A* изображена здесь не в круге, но круг неоднократно появляется в других эпизодах, т. е. семантическая связь *A* с кругом в контексте фильма все-таки возникает. Учитывая это обстоятельство, можно утверждать, что первые анархистские граффити, изображающие «*A* в круге», были нанесены на стены парижских домов не в 1964 и не в мае 1968 г., а в фильме Исидора Изу, съемки которого происходили как раз в Париже. Эту мысль усиливает концептуальная связь кинокадра с плакатом, который, по мнению Дмитрия Козлова, «вышел из кино, как рекламный кадр, аккумулярующий, дополняющий фильм» [2014, с. 31].

Фильм Исидора Изу является манифестом придуманного им леттризма. Леттризм – это один из идейных источников близкого к анархизму ситуационизма, и сам Изу называет себя в этом фильме анархистом. Основная идея леттризма, отразившаяся в названии (фр. *lettre* – буква), состоит в «расщеплении поэзии на первоэлементы, вплоть до букв, расшатывание традиционного дискурса и подрыв существующего миропорядка» [Кузнецов, 2003]. Согласно леттризму, первичной единицей поэтического языка является не слово, а буква. Леттризм устанавливает новую конвенцию поэзии букв в отличие от общепринятой поэзии слов. Атомистическая интенция леттризма связана не только с вопросом о том, как устроена поэзия, но прежде всего с вопросом, как бы она могла быть устроена. Поэтому речь в леттризме не идет просто о буквах алфавита или о чисто механическом разделении слов на буквы. Идея возвращения к истокам здесь не является ключевой. Леттризм основан на идее творческого обновления и очищения – и не только поэтического языка, но и Мира. Иными словами, буква в леттризме имеет порождающие творческие способности и выступает в качестве порождающего условия любого знака, закладывая в саму основу этого порождения идею изменчивости.

Так, например, в своем фильме Изу отказывается от статики, – буква «*A*» то появляется в кадре, то исчезает, непрерывно меняя свой облик. Леттристская идея незавершенности и вариативности знака отразилась, как нам представляется, и в способе последующего существования анархистского символа «*A* в круге», имеющего большое количество графических вариантов (см.: [A-cerchiata, 2008]), среди которых невозможно выделить какой-то основной. Леттристская незавершенность в данном случае дополняется собственно анархистским принципом полисемичности. Анархисты настаивают на множественности определений и неокончательной привязанности знака к означаемому (подробнее см.: [Мартынов, 2015б]).

Другим важным примером «клинокруглости» является эмблема Ацефала, которую в 1936 г. придумал Жорж Батай совместно с художником Андре Массоном. Именем *Ацефал* одновременно обозначалось и тайное общество, и социологический журнал.

Обложка журнала «Ацефал», 1936 г.

Ацефал представляет собой фигуру без головы с помещенным на место гениталий черепом, с разведенными в стороны руками, в одной из которых находится кинжал, а в другой – вырванное из живота сердце. Фигура Ацефала, согласно объяснениям С. Н. Зенкина, выражает идею нестабильности и неравновесности, она оспаривает иерархическую упорядоченность мира, обязательное преимущество верха над низом. «Придумывая фигуру Ацефала, Массон стремится переставлять члены, разрушая устойчивость оси, которая проходит в теле человека через голову, сердце и гениталии. <...> Тело как бы взрывается, его центральные органы резко выбрасываются на периферию. <...> Быть монстром – значит иметь нестабильное тело, члены которого подвижны и допускают перестановку. <...> Теряя свою целостность, тело “монстра” больше не соответствует мировой полноте и выражает собой скорее “принцип недостаточности” или “принцип неполноты” человека <...>» [Зенкин, 2006, с. 121–122].

Эти идеи, заложенные в образе Ацефала, близки к анархизму, причем не только на концептуальном, но и на графическом уровне. Уже само вертикальное расположение человеческой фигуры напоминает облик буквы А, и с этой буквы начинается имя Ацефал. Важно также, что расположение рук и ног Ацефала имеет сходство с «Витрувианским человеком» (см. также об этом: [Там же, с. 122]). На рисунке Леонардо да Винчи фигура человека была помещена, как известно, в круг, и хотя в Ацефале никакого круга нет, благодаря возникающим ассоциациям он, тем не менее, обнаруживается как некоторое значащее отсутствие. Круг у Леонардо да Винчи,

выражал идею гармонии Мира, в соответствии с которой устроено человеческое тело, – всего этого в Ацефале, конечно, быть не могло.

Образ «клинокруглости» встречается также на страницах пятого номера международного журнала «Ситуационистское время» («Situationist Times») за 1964 г., который был посвящен теме «кругов и колец». Некоторые иллюстрации в нем или почти буквально воспроизводили образ «А в круге», или использовали геометрию треугольника-круга, что, учитывая мировоззренческую близость ситуационизма и к авангарду, и к анархизму, нельзя считать простым совпадением.

<i>Tourneys</i> – D. G. Emmerich	192-197
<i>Venus de l'île</i> – Méroude	206-210
<i>From: Opera "The Labyrinth"</i> – Peter Schel	213
<i>Drawings</i> – Karl Pelgrem	214
<i>Poems and drawings</i> – Jim Ryan	215-217
<i>No happy returns for me</i> – E. Mazman	218-219
<i>Editors note + Bibliography, etc.</i>	220

ring, ring, n. a circlet or small hoop, esp. one of metal, worn on the finger, in the ear, nose, or elsewhere: any object, mark, group, &c., circular but hollow in form: a space set apart for sport, amusement, display, &c.: a clique organized to control the market or for other gain.—*v.t.* to encircle: to put a ring on or in.—*v.i.* to move in rings: to gather or be in a ring.—*adj.* and *pp.* **ringed**.—*n.* **ring dove**, the wood-pigeon, from the broken white ring or line on its neck.—*adj.* **ringed**, surrounded by, or marked with, a ring or rings: ring-shaped.—*n.* **ring-finger**, the third finger, esp. of the left hand, on which the wedding-ring is worn: **ring-leader**, one

chain, chain, n. a series of links or rings passing through one another: any continuous series: anything that binds: a measure of 100 links, 66 feet long: (pl.) fetters, bonds, confinement.—*v.t.* to fasten: to fetter.—*vt.* **chain-our**, chain-mail: chain-bridge, a suspension-bridge: chain-drive, transmission of power by chain-gear(ring), gearing consisting of an endless chain and (generally) sprocket wheels: chain-gang, a gang of convicts chained together: chain-mail, mail or armour made of iron links: chain reaction, a chemical or atomic process in which the products of the reaction assist in promoting the process itself, e.g. ordi-

Рассматривая эти примеры, в конечном счете крайне сложно выстроить их в линию последовательных взаимных влияний. В данном случае очень сложно говорить об однозначной каузальности. Нет никакой ясности в том, что является первичным, а что вторичным, – представление о хаосе в авангарде или в анархизме. На наш взгляд, релевантным для объяснения подобных феноменов, функционирующих в пространстве активного междискурсивного взаимодействия, является концепт «машины» Ж. Делёза и Ф. Гваттари, позволяющий описывать явления в терминах «присоединения и обмена», а не воздействия. Опираясь на эту методологию, Геральд Рауниг в своей недавней работе показал, что в XX в. «революционные машины» и «машины искусства» работали как детали, шестерни друг друга. При этом он поясняет, что «машина» для него не означает «ни чисто технический термин (механизированное орудие), в отличие от человека, ни просто метафору. Машины суть сложные констелляции, которые проходят через несколько структур одновременно и соединяют их, пронизывая коллективы и индивидов, людей и вещи» [Рауниг, 2012, с. 16].

Концепт «машины» не связан с иерархиями и не описывает отношения между различными иерархическими уровнями. Опираясь на концепт машины, можно представить практики сближения клинокруглости в искусстве с идеей творческого хаоса и революции как нелинейный процесс, не связанный с понятием первоначала. Историю «А в круге» можно представить в этом случае как непрекращающуюся совместную работу «машины авангарда» и «машины анархии», то останавливающуюся, то возобновляющуюся в новых культурно-исторических контекстах.

Таким образом, можно утверждать, что концептуальные основания анархистского символа «А в круге» сформировались не в анархизме и не в авангарде, а в некотором общем для них пространстве междискурсивности, в котором отношения строятся не на бинарном принципе «пассивное – активное», а в другой системе координат, исключающей этот принцип и предполагающей, скорее, нелинейные основания. Иными словами, междискурсивность означает взаимодействие между анархистским и авангардным дискурсами, каждый из которых не функционирует как доминантный. По этой причине символ не может принадлежать только анархистам. Хотя исторически он действительно связан с анархизмом, концептуальные основания «А в круге» нельзя свести только к принципам анархистского мировоззрения. Они намного шире, что подтверждается использованием этого символа сегодня самыми различными протестными группами.

Список литературы

Аролович А. В. Анархизм-универсализм в контексте русской «космической парадигмы» начала XX века: Дис. ... канд. культурологии. М., 2005.

Бакунин М. А. Реакция в Германии // Бакунин М. А. Собр. соч. и писем. 1828–1876 гг.: В 4 т. М., 1935. Т. 3: Период первого пребывания за границей. 1840–1849. С. 126–148.

Бердяев Н. А. Судьба России: Книга статей. М., 2007.

Брагина Н. Г. Мифологический Хаос (культурный след в языке) // Логический анализ языка. Космос и хаос: концептуальные поля порядка и беспорядка / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2003. С. 18–31.

Гордин В. Л. Грамматика логического языка АО. М.: Человечество, 1923.

Дамье В. Что такое анархия? Лекция в библиотеке им. Ф. М. Достоевского 24 июля 2014 г. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Sjhi6i-PcKY>

Зенкин С. Н. Конструирование пустоты: миф об Ацефале // Предельный Батай. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006. С. 118–131.

Козлов Д. «Клином красным бей белых». Геометрическая символика в искусстве авангарда. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2014. 164 с.

Кузнецов С. По ту сторону иметь и казаться: от Исидора Изу до Малколма Макларена, далее – везде // Новое литературное обозрение. 2003. № 64. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2003/64/kuz15.html>

Лиманов К. Анархистская символика // Наперекор. Катализатор умственного брожения. 1998. № 7. С. 55–59.

Мартынов М. Прецедентные феномены в русском анархическом дискурсе // Przegład Wschodnioeuropejski. 2015a. VI/1. S. 131–140.

Мартынов М. Ю. Антиплатоническая философия имени в русском анархизме // Критика и семиотика. 2015б. № 2. С. 111–134.

Перцова Н. Н. О «звездном языке» Велимира Хлебникова // Мир Велимира Хлебникова: Статьи. Исследования (1911–1998) / Под ред. А. Е. Парниса. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 359–384.

Рауниг Г. Искусство и революция: художественный активизм в долгом двадцатом веке / Пер. с нем. и англ. А. В. Скидана, Е. А. Шраги. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. 266 с.

Смирнов И. Онтоанархизм Казимира Малевича // Искусство супрематизма / Под ред. К. Ичин. Белград: Изд-во филологического факультета в Белграде, 2012. С. 7–27.

Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2004. 992 с.

Хлебников В. Собр. соч.: В 6 т. М.: ИМЛИ РАН, 2000. Т. 1: Литературная автобиография. Стихотворения. 1904–1916.

CrimethInc. Анархия в эпоху динозавров. М.: Гилея, 2010.

A-cerchiata. Storia veridica ed esiti imprevisi di un simbolo / Gianluca Chinnici, Gli Iconoclasti. Milano: Elèuthera, 2008. 128 p.

Marshall P. Demanding the Impossible: A History of Anarchism. London: Harper Perennial, 2008.

Article metadata

Title: Discursive interaction as the basis of anarchist symbols (in the example of the symbol «circle-A»)

Author: M. Yu. Martynov

Author's e-mail: golossa@gmail.com

Author affiliation: Moscow State Pedagogical University

Abstract: This article analyzes the characteristics of discursive interactions underlying the genesis of anarchist symbols, arguing that the origin of the symbol “circle-A” is related to the process of active interaction between the avant-garde and anarchist discourse, neither of which functions as a dominant. The author identifies several important contexts of interaction, including the symbolism of the *triangle* (A) and *circle* (O) that make up the anarchist symbol “circle-A”. Following E. Kozlov’s viewpoint that a triangle-wedge crashing into a circle symbolically expresses the idea of a revolutionary in the avant-garde, the author shows that “circle-A” is also one of the central images of avant-garde art in the 20th century. The triangle and the circle became widespread after they were pictured artist El Lissitzky’s poster (“Beat the Whites with the Red Wedge”, 1920). The author analyzes the pan-anarchist concept of a universal language called AO, which was developed by the Gordin brothers in the early 1920s (“Grammar of the Language of the Mankind. Translated from AO”, 1920) and shows that the image of the language AO was formed under the influence of the avant-garde poetry of Velimir Khlebnikov. At the same time, the name of the language is graphically reminiscent of the anarchist symbol “circle-A” – AO looks like A outside the circle. The author also addresses the analysis of the functioning of the letter A in lettrism, which is closely associated with the avant-garde and anarchism. In addition, the author examines the creativity of Isidore Isou in order to relate the idea of incompleteness in lettrism signs to the variability of the anarchist symbol “circle-A”. The author rejects the widespread understanding of the symbol “circle-A” as a monogram composed of the initial letters of the word “anarchy” and “order” (“Anarchy is the mother of Order”) – monogram principle is not true for all languages – and, instead, hypothesizes that “circle-A” is primarily related to the concept of “chaos”. First, the word “chaos” is held to be a necessary anarchist neighbor of the letters A and O in all major European languages (CHAOS, XAOC, CAOS, KAOS, etc.). Second, the triangle-wedge (A) crashing into a circle (O) and splitting it expresses the idea of the gap between the old world and the new; this corresponds to the etymology of the Greek word “chaos”, which is associated with the words “chasm, gape, etc.”

Key terms: anarchism, discourse, avant-garde, symbol, circle-A.

Reference literature (in transliteration):

A-cerchiata. Storia veridica ed esiti imprevisi di un simbolo / Gianluca Chinnici, Gli Iconoclasti. Milano: Elèuthera, 2008. 128 p.

Arolovich A. V. Anarhizm-universalizm v kontekste ruskoj «kosmicheskoj paradigmy» nachala XX veka: Diss. ... kand. kul'turologii. M., 2005.

Bakunin M. A. Reakcija v Germanii // Bakunin M. A. Sobr. soch. i pisem. 1828–1876 gg.: V 4 t. M., 1935. T. 3: Period pervogo prebyvanija za granicej. 1840–1849. S. 126–148.

Berdjaev N. A. Sud'ba Rossii: Kniga statej. M., 2007.

Bragina N. G. Mifologicheskij Haos (kul'turnyj sled v jazyke) // Logicheskij analiz jazyka. Kosmos i haos: konceptual'nye polja porjadka i besporjadka / Otv. red. N. D. Arutjunova. M.: Indrik, 2003. S. 18–31.

CrimethInc. Anarhija v epohu dinozavrov. M.: Gileja, 2010.

Dam'e V. Chto takoe anarhija? Lekcija v biblioteke im. F. M. Dostoevskogo 24 ijulja 2014 g. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Sjhi6i-PcKY>

Gordin V. L. Grammatika logicheskogo jazyka AO. M.: Chelovechestvo, 1923.

Hlebnikov V. Sobr. soch.: V 6 t. M.: IMLI RAN, 2000. T. 1: Literaturnaja avtobiografija. Stihotvorenija. 1904–1916.

Kozlov D. «Klinom krasnym bej belyh». Geometricheskaja simbolika v iskusstve avangarda. SPb.: Izd-vo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2014. 164 s.

Kuznecov S. Po tu storonu imet' i kazat'sja: ot Isidora Izu do Malkolma Maklarena, dalee – vezde // Novoe literaturnoe obozrenie. 2003. № 64. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2003/64/kuz15.html>

Limanov K. Anarhistskaja simbolika // Naperekor. Katalizator umstvennogo brozhenija. 1998. № 7. S. 55–59.

Marshall P. Demanding the Impossible: A History of Anarchism. London: Harper Perennial, 2008.

Martynov M. Ju. Antiplatonicheskaja filosofija imeni v russkom anarhizme // Kritika i semiotika. 2015b. № 2. S. 111–134.

Martynov M. Precedentnye fenomeny v rusском anarhicheskom diskurse // Przegľad Wschodnioeuropejski. 2015a. VI/1. S. 131–140.

Percova N. N. O «zvezdnom jazyke» Velimira Hlebnikova // Mir Velimira Hlebnikova: Stat'i. Issledovanija (1911–1998) / Pod red. A. E. Par-nisa. M.: Jazyki ruskoj kul'tury, 2000. S. 359–384.

Rounig G. Iskusstvo i revoljucija: hudozhestvennyj aktivizm v dolgom dvadcatom veke / Per. s nem. i angl. A. V. Skidana, E. A. Shragi. SPb.: Izd-vo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2012. 266 s.

Smirnov I. Ontoanarhizm Kazimira Malevicha // Iskusstvo suprematizma / Pod red. K. Ichin. Belgrad: Izd-vo filologicheskogo fakul'teta v Belgrade, 2012. S. 7–27.

Stepanov Ju. S. Konstanty: Slovar' ruskoj kul'tury. M.: Akademicheskij Proekt, 2004. 992 s.

Zenkin S. N. Konstruirovanie pustoty: mif ob Acefale // Predel'nyj Bataj. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2006. S. 118–131.